

УДК 327.56(5-191.2+581)
DOI: 10.36979/1694-500X-2025-25-7-217-229

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ЗОНЕ РИСКА: ВОЗМОЖНА ЛИ ВОЙНА С АФГАНИСТАНОМ?¹

Рустами Сухроб

Аннотация. Центральная Азия, исторически выполнявшая роль буфера между крупными геополитическими силами, вновь оказывается в эпицентре потенциального кризиса. Приход к власти движения “Талибан” в Афганистане в 2021 году не только изменил баланс сил в регионе, но и создал новые вызовы для соседних государств, поставил под сомнение начавшийся процесс интеграции Афганистана в центральноазиатское региональное пространство. Угроза эскалации конфликта на северных границах Афганистана, где сосредоточены этнические меньшинства и действуют радикальные группировки, ставит под угрозу стабильность всей Центральной Азии. Однако ответ на вопрос о возможности полномасштабной войны между странами региона и Афганистаном требует комплексного анализа, выходящего за рамки упрощённых сценариев. С одной стороны, дестабилизирующие факторы очевидны. Идеологическая близость некоторых афганских группировок к радикальным движениям Центральной Азии, таким как Исламское движение Узбекистана (ИДУ) или филиалы ИГИЛ-К*¹ “Джамаат Ансоруллах”*, создаёт условия для трансграничного распространения насилия. Кроме того, внутренняя нестабильность в Афганистане, экономический коллапс и гуманитарный кризис могут подтолкнуть “Талибан” к экспорту нестабильности в поисках ресурсов или политических рычагов. С другой стороны, существуют сдерживающие механизмы. Во-первых, сам “Талибан” заинтересован в международной легитимности, что ограничивает его поддержку откровенно террористических действий за пределами Афганистана. Во-вторых, страны Центральной Азии, при всей их уязвимости, усиливают сотрудничество с Россией и Китаем в сфере безопасности. В-третьих, этническая и политическая фрагментированность Афганистана делает масштабное наступление на север маловероятным – талибы вынуждены концентрироваться на удержании власти внутри страны. Важную роль в обеспечении региональной безопасности играют институциональные механизмы, в частности Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также российская 201-я военная база в Таджикистане. Эти инструменты, сочетающие превентивную дипломатию и военное сдерживание, существенно снижают риски крупномасштабного конфликта.

Ключевые слова: конфликтный потенциал; коллективная безопасность; Центральная Азия; Афганистан; “Талибан”; этнополитическая напряженность; эскалация угроз.

БОРБОРДУК АЗИЯ КОРКУНУЧ ЗОНАСЫНДА: ООГАНСТАН МЕНЕН СОГУШ БОЛУШУ МҮМКҮНБҮ?

Рустами Сухроб

Аннотация. Тарыхта ири геосаясий кўчтердун ортосунда буфер катары кызмат кылган Борбор Азия кайрадан потенциалдуу кризистин чордонунда. 2021-жылы Ооганстанда “Талибан” кыймылынын бийликке келиши аймактагы кўчтердун тең салмактуулугун гана өзгөртпөстөн, коңшу мамлекеттер үчүн жаңы чакырыктарды жаратып, Ооганстандын Борбор Азиянын аймактык мейкиндигине интеграциясынын жүрүп жаткан процессине шек келтирди. Ооганстандын этникалык азчылыктар топтолгон жана радикал топтор аракеттенген түндүк чек араларында чыр-чатактын күчөшү коркунучу бүтүндөй Борбор Азиянын туруктуулугуна коркунуч келтирүүдө. Бирок аймактагы өлкөлөр менен Ооганстандын ортосунда толук масштабдуу согуш болушу мүмкүн деген суроого жооп жөнөкөйлөштүрүлгөн сценарийлерден тышкары ар тараптуу анализди талап кылат. Бир жагынан дестабилизирүүчү факторлор ачык көрүнүп турат. Айрым ооган топторунун Борбор Азиядагы радикалдык кыймылдарга идеологиялык жакындыгы, мисалы,

¹ * Запрещенная террористическая организация на территории России (* – здесь и далее по тексту).

Өзбекстан ислам кыймылы (ӨИК) же ИЛИМ-К* филиалдары “Жамаат Ансоруллах”* зордук-зомбулуктун чек ара аркылуу жайылышына шарт түзөт. Мындан тышкары, Ооганстандагы ички туруксуздук, экономикалык кыйроо жана гуманитардык кризис “Талибан”* ресурстарды же саясий рычагдарды издөө үчүн туруксуздукту экспорттоого түртүшү мүмкүн. Экинчи жагынан, чектөө механизмдери бар. Биринчиден, “Талибан” өзү эл аралык мыйзамдуулукка кызыкдар, бул анын Ооганстандан тышкары ачык террордук аракеттерди колдоосун чектейт. Экинчиден, Борбор Азия өлкөлөрү бардык алсыз жактары менен Орусия жана Кытай менен коопсуздук жаатында кызматташууну бекемдөөдө. Үчүнчүдөн, Ооганстандын этникалык жана саясий бытырандылыгы түндүккө масштабдуу чабуул жасоону күмөндүү кылат – талиптер өлкөнүн ичинде бийликти сактап калууга көңүл бурууга аргасыз. Аймактык коопсуздукту камсыз кылууда институционалдык механизмдер, атап айтканда, Жамааттык коопсуздук келишими уюму (ЖККУ), ошондой эле Тажикстандагы Орусиянын 201-аскердик базасы маанилүү роль ойнойт. Профилактикалык дипломатия менен аскердик бөгөт коюуну айкалыштырган бул инструменттер масштабдуу чыр-чатактын чыгуу коркунучун олуттуу түрдө азайтат.

Түйүндүү сөздөр: конфликттик потенциал; жамааттык коопсуздук; Борбордук Азия; Афганистан; “Талибан”; этносаясий тирешүү; коркунучтардын күчөшү.

CENTRAL ASIA AT RISK: IS WAR WITH AFGHANISTAN POSSIBLE?

Rustami Suhrob

Abstract. Central Asia, which has historically served as a buffer between major geopolitical forces, is once again at the epicenter of a potential crisis. The rise to power of the “Taliban” movement in Afghanistan in 2021 has not only changed the balance of power in the region but also created new challenges for neighboring states and called into question the ongoing process of Afghanistan’s integration into the Central Asian regional space. The threat of escalation of the conflict on Afghanistan’s northern borders, where ethnic minorities are concentrated and radical groups operate, threatens the stability of all of Central Asia. However, answering the question of the possibility of a full-scale war between the countries of the region and Afghanistan requires a comprehensive analysis that goes beyond simplified scenarios. On the one hand, the destabilizing factors are obvious. The ideological proximity of some Afghan groups to radical movements in Central Asia, such as the Islamic Movement of Uzbekistan* (IMU) or “ISIS-K”* affiliates “Jamaat Ansarullah”*, creates conditions for the cross-border spread of violence. In addition, internal instability in Afghanistan, economic collapse and humanitarian crisis may push the “Taliban” to export instability in search of resources or political leverage. On the other hand, there are restraining mechanisms. Firstly, the “Taliban” itself is interested in international legitimacy, which limits its support for openly terrorist actions outside Afghanistan. Secondly, the Central Asian countries, despite their vulnerability, are strengthening cooperation with Russia and China in the security sphere. Thirdly, the ethnic and political fragmentation of Afghanistan makes a large-scale offensive in the north unlikely – the “Taliban” are forced to concentrate on maintaining power within the country. Institutional mechanisms, in particular the Collective Security Treaty Organization (CSTO), as well as the Russian 201st military base in Tajikistan, play an important role in ensuring regional security. These instruments, combining preventive diplomacy and military deterrence, significantly reduce the risks of a large-scale conflict.

Keywords: conflict potential; collective security; Central Asia; Afghanistan; “Taliban”; ethno-political tensions; escalation of threats.

Основа войны есть ложь.

Сун-Цзы

Введение. Приход движения “Талибан” к власти в Афганистане (2021) кардинально изменил геополитическую динамику в Центральной Азии, поставив перед регионом новые вызовы безопасности. Несмотря на заявления нового афганского руководства о приверженности мир-

ному сосуществованию [1], сохраняются фундаментальные противоречия, способные спровоцировать эскалацию:

1. Отсутствие международного признания правительства “Талибана” и его идеологи-

ческая риторика создают потенциал для пограничных кризисов.

2. Прямые угрозы в адрес Таджикистана (2024) и сохранение террористических группировок (ИГИЛ*) на афганской территории повышают риски спонтанной эскалации [2].
3. Трансграничные угрозы: наркотрафик, нелегальная миграция, распространение радикальных идеологий.
4. Этнополитическая напряженность (преследование узбекского и таджикского меньшинств в Афганистане) может спровоцировать вмешательство стран Центральной Азии (ЦА).
5. Ограниченные возможности ОДКБ и ШОС в предотвращении конфликтов.
6. Разрыв в военном потенциале: если Узбекистан и Казахстан способны к сдерживанию, то Таджикистан и Туркменистан остаются уязвимыми.

Центральный вопрос исследования – при каких условиях нынешняя нестабильность может перерасти в открытый военный конфликт между Афганистаном и странами Центральной Азии, и какие механизмы способны его предотвратить?

Научная новизна. Исследование вносит вклад в развитие концепции *уязвимости государственного суверенитета*, анализируя вызовы, с которыми сталкиваются постсоветские страны Центральной Азии в условиях давления со стороны экстремистских, боееспособных не/государственных вооруженных формирований, базирующихся в Афганистане.

Работа предлагает комплексный анализ современных вызовов, сочетающий рассмотрение политических, экономических и социальных факторов, что позволяет по-новому оценить перспективы стабильности в Центральноазиатском регионе.

Актуальность. Учащение вооруженных столкновений на таджикско-афганской границе в период 2021–2025 гг. представляет собой серьезный вызов региональной безопасности Центральной Азии. Данная проблема требует тщательного анализа, поскольку отражает не только традиционные пограничные споры,

но и более глубокие кризисные тенденции, связанные с активизацией радикальных группировок и нестабильностью в Афганистане после прихода к власти движения “Талибан”.

Двойственный характер политики “талибского” режима в отношении радикальных организаций создает значительные сложности для стран региона. Особую остроту приобретает проблема трансграничного водопользования в бассейне Амударьи, где переплетаются экологические, экономические и политические аспекты.

Инициированная Российской Федерацией специальная военная операция (СВО) спровоцировала существенную трансформацию геополитического ландшафта в Центральноазиатском регионе. Переориентация политических и экономических ресурсов Москвы на украинское направление создает потенциальные условия для формирования вакуума традиционного российского лидерства в ЦА. Данная ситуация актуализирует необходимость концептуального пересмотра устоявшихся моделей региональной безопасности и экономической кооперации в контексте новой международной реальности.

Активная “экспансия” Китая через инициативу “Один пояс – один путь” и масштабные проекты по добыче природных ресурсов коренным образом меняет экономический и политический ландшафт Центральной Азии. Исследование этого процесса необходимо для понимания формирующейся новой архитектуры региональных отношений и возможных последствий усиления китайского присутствия для суверенитета и экономической самостоятельности государств региона.

Отсутствие единой позиции центральноазиатских государств, особенно Таджикистана и Узбекистана, по вопросу взаимодействия с “талибским” режимом на фоне сокращения западного присутствия создает опасный кризис системы сдерживания.

Цель исследования. Настоящее исследование направлено на проведение системного анализа детерминант, способных привести к эскалации вооруженного противостояния между Исламским Эмиратом Афганистан (под контролем движения “Талибан”) и государствами

Центральноазиатского региона, с последующей оценкой вероятности реализации конфликтного сценария в среднесрочной временной перспективе. В фокусе исследования находятся как традиционные источники напряжённости, включая идеологические расхождения, неурегулированные пограничные вопросы и межэтнические противоречия, так и институциональные аспекты региональной безопасности. Особое внимание уделяется операционным возможностям и функциональной эффективности действующих структур коллективной безопасности, прежде всего ОДКБ, в контексте их способности осуществлять превентивное реагирование, противодействовать асимметричным угрозам и обеспечивать стабильность в приграничных территориях.

Историография проблемы. Проблема безопасности Центральной Азии в контексте угроз, исходящих с территории Афганистана, находится в фокусе внимания российских исследователей. Данной тематике посвящены работы ведущих экспертов по региону, таких как Д.Б. Малышева [3], Е.А. Степанова [4], А.А. Казанцев [5], которые анализируют как традиционные вызовы безопасности, так и новые риски, связанные с приходом к власти движения “Талибан”.

Особое внимание в исследованиях уделяется вопросам трансграничной безопасности. Работы А.А. Князева [6], и Ю.Н. Цыряпкина [7], А.А. Мигранян [8] рассматривают проблемы нелегальной миграции, наркотрафика и распространения радикальных идеологий из Афганистана в страны Центральной Азии. При этом в монографии *“Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений”*, под редакцией К.П. Курылева [9], комплексно анализируются роль Центральной Азии в современной мировой политике, экономике и безопасности. Книга охватывает ключевые аспекты регионального сотрудничества, влияние глобальных и региональных держав, а также вопросы безопасности и военно-политическое сотрудничество.

Значительный вклад в изучение темы внесли исследования, посвященные анализу деятельности международных организаций в регионе. В работах А.Ф. Клименко [10], И.А. Селезнева [11], Е.С. Коренева [12] подроб-

но рассматривается роль ОДКБ и ШОС в противодействии афганским вызовам, а также эффективность существующих механизмов коллективной безопасности.

Отдельного внимания заслуживают публикации, посвященные водно-энергетическим конфликтам в Центральной Азии. Исследования О.А. Бояркина [13], Е.Ю. Винокурова [14] и Д.А. Соловьева [15] раскрывают потенциал трансграничных споров как дополнительного фактора дестабилизации в условиях афганского кризиса.

Несмотря на значительное количество научных публикаций, многие аспекты проблемы требуют дальнейшего изучения. В частности, недостаточно исследованы потенциал эскалации локальных приграничных конфликтов в полномасштабное военное противостояние, а также перспективы координации позиций региональных игроков в условиях меняющейся геополитической конфигурации.

Методология исследования. В данном исследовании применяется теория “несостоявшихся государств” (failed state), разработанная американскими исследователями Джеральдом Б. Хелманом, Стивеном Р. Ратнером [16] и развитая Робертом И. Ротбергом [17]. Данная концепция позволяет проанализировать риски эскалации конфликта между Центральной Азией и Афганистаном при “Талибане”, учитывая кризис государственности последнего.

Согласно Хелману и Ратнеру, Исламский Эмират Афганистан (ИЭА) соответствует определению *несостоявшегося государства* (failed state), поскольку правительство (“Талибан”) не контролирует всю территорию страны, не обеспечивает безопасность граждан и не предоставляет базовые услуги.

Ротберг дополняет анализ, выделяя ключевые индикаторы несостоятельности: утрата монополии на насилие (активность “Талибана”, ИГИЛ-К*); хроническое насилие и гражданские конфликты; экономическая деградация и зависимость от внешней помощи.

Угрозы с территории ИЭА (терроризм, наркотрафик, военизированные группировки, нелегальная миграция) создают *зоны нестабильности* для соседних стран прежде всего

для Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана, имеющих с ней государственную границу.

Теория “несостоявшихся государств” объясняет, почему слабость афганского государства повышает риски трансграничных конфликтов.

Анализ по модели Ротберга позволяет оценить, способны ли центральноазиатские страны сдерживать угрозы или столкнутся с прямой конфронтацией.

После установления контроля движения “Талибан” над Афганистаном в августе 2021 года регион Центральной Азии столкнулся с комплексом новых вызовов безопасности. Несмотря на декларации нового афганского руководства о мирных намерениях, анализ текущей ситуации позволяет выделить три ключевых угрозы для центральноазиатских государств:

Террористическая угроза – отмечается активизация международных террористических организаций, включая “ИГИЛ-К”* и “Аль-Каиду”*, на северных территориях Афганистана. По данным Минобороны Российской Федерации, численность боевиков “ИГИЛ”* в приграничных районах за 2024 год увеличилась на 15 % [18].

Пограничная безопасность – зафиксированы многочисленные инциденты на границах Таджикистана (1344 км общей границы), Узбекистана (144 км) и Туркменистана (804 км). Ежегодно пограничники стран ЦА (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) фиксируют 20–30 столкновений с *неизвестными бандами*, пересекавшими государственную границу со стороны Афганистана [19].

Социально-экономические последствия – по подсчетам Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) к концу 2023 года около 6,4 млн (совокупно) граждан Афганистана были вынуждены бежать из страны, опасаясь расправы из-за связей с прежним правительством, американскими военными или международными организациями, а также из-за своих политических взглядов, этнической и религиозной принадлежности, тем самым создавая нагрузку на соседние страны (прежде всего Иран, Пакистан, Таджикистан и Узбекистан) [20].

Анализ внутренней ситуации в Афганистане позволяет выделить несколько системных проблем:

Проблема контроля территории. По состоянию на конец 2024 года “Талибан” контролирует почти весь Афганистан, но в некоторых районах власть оспаривается: долина Панджшер и соседние районы – Национальный фронт сопротивления (НФС) Ахмада Масуда ведёт партизанскую войну; Долина Андараб (Баглан) – периодические столкновения с НФС; Северные провинции (Тахар, Балх, Саманган) – разрозненные антиталибские группы, но без крупных опорных пунктов [21].

Экономическая деградация. ВВП Афганистана сократился на: с 19,96 млрд в 2020 до 14,27 млрд за 2021 год [22]. Уровень безработицы среди мужчин 18–35 лет достиг 65 %, что создает питательную среду для радикальных группировок [23].

Этнополитические противоречия. сохраняется напряжение между пуштунским большинством (составляющим основу “Талибана”) и таджикскими/узбекскими меньшинствами, исторически связанными с Центральной Азией.

Роль внешних акторов. Ситуация осложняется сложной системой интересов международных игроков.

Россия продолжает поддерживать военное присутствие в Центральной Азии, опираясь на ключевые стратегические объекты в регионе. Однако текущие международные события, включая СВО, накладывают существенные ограничения на оперативный потенциал и возможности переброски сил.

Решение Верховного суда РФ, удовлетворившего иск Генпрокуратуры о приостановке запрета деятельности “Талибана” из перечня террористических организаций, обусловлено комплексом факторов, среди которых ключевую роль играет прагматичный подход к региональной безопасности и дипломатическим отношениям [24]. После прихода талибов к власти в Афганистане в 2021 г. Россия столкнулась с необходимостью взаимодействия с де-факто правящим режимом для противодействия угрозам, таким как распространение терроризма (в частности активности ИГИЛ-Хорасан)

и наркотрафика. Формальная декриминализация “Талибана” позволяет Москве легализовать контакты с Кабулом, не нарушая международное право, поскольку аналогичные шаги ранее предприняли другие государства, включая Китай и страны Центральной Азии (Казахстан и Кыргызстан). Не исключено, что данное постановление было интерпретировано следующим: в отличие от глобальных террористических группировок, таких как “Аль-Каида*”, “Талибан” позиционируется как локальное движение, чей радикализм ограничен рамками Афганистана (дифференциация террористических групп).

С точки зрения геополитики, исключение “Талибана” из списка террористических организаций служит инструментом усиления влияния России в Центральной Азии и создания противовеса западным интересам в регионе. Москва стремится предотвратить дестабилизацию постсоветского пространства, где афганский кризис может спровоцировать миграционные волны и *экспорт* экстремизма. Одновременно этот шаг сигнализирует о готовности РФ к гибкой политике в условиях меняющегося мирового порядка, где традиционные определения терроризма пересматриваются в пользу практической целесообразности. Вместе с тем, такая позиция может вызвать напряженность в отношениях с западными партнерами (после окончания СВО) и стратегическими союзниками (Таджикистан), которые продолжают рассматривать “Талибан” как угрозу.

Китай активно участвует в экономическом развитии Центральной Азии, направляя значительные инвестиции в региональные инфраструктурные и энергетические проекты. В то же время Пекин воздерживается от непосредственного военного присутствия, предпочитая развивать сотрудничество в рамках многосторонних структур, в частности Шанхайской организации сотрудничества.

Запад. Соединенные Штаты Америки и некоторые страны ЕС (ФРГ, Франция), традиционно выступавшие ключевыми внешними акторами в Центральной Азии и Афганистане, значительно сократили прямое военное присутствие в регионе после вывода войск из Афганистана в 2021 г. Этот процесс сопровождался переходом

к более гибким и менее заметным формам деятельности, включая программы военной помощи, обучение местных силовых структур и усиление дипломатического взаимодействия. Подобная трансформация отражает общий тренд западных стран на минимизацию рисков при сохранении возможностей влияния на региональные процессы.

Новый формат взаимодействия Запада с центральноазиатскими государствами характеризуется снижением уровня прямой вовлеченности при одновременном сохранении инструментов мониторинга и контроля оперативной обстановки. Особое внимание уделяется развитию “мягкой силы” через образовательные программы, экономические инициативы и поддержку гражданского общества. Однако эффективность такого подхода в условиях усиления влияния России и Китая в регионе остается предметом серьезных дискуссий в западных аналитических кругах.

Дифференцированное восприятие угрозы. Второе восхождение к власти в Афганистане движением “Талибан” стало переломным моментом для региональной безопасности и экономического сотрудничества в Центральной Азии. Восприятие угроз, исходящих из Афганистана, варьируется среди государств региона в зависимости от географической близости, исторических связей, этнополитических факторов и стратегических приоритетов. Параллельно с оценкой рисков страны Центральной Азии выстраивают *прагматичное* экономическое взаимодействие с де-факто афганскими властями, стремясь минимизировать негативные последствия и извлечь выгоду из транзитного потенциала Афганистана.

Наиболее уязвимым в контексте афганской нестабильности остается **Таджикистан**, имеющий самую протяженную (около 1,4 тыс. км) и слабо укрепленную границу с Афганистаном. Душанбе рассматривает “Талибан” как прямую угрозу национальной безопасности, что обусловлено несколькими факторами. Во-первых, талибы исторически конфликтуют с афганскими таджиками — этнической группой, составляющей основу Северного альянса, который противостоял талибам в 1990-е годы. Во-вторых, на афгано-таджикской границе

активизировались радикальные группировки, включая “Исламское государство Хорасан” (ИГИЛ-К)*, что повышает риски трансграничного терроризма. В ответ Таджикистан усилил военное присутствие на границе, активизировал сотрудничество с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и проводит жесткую внутреннюю политику по противодействию религиозному экстремизму.

В отличие от Таджикистана, *Узбекистан* демонстрирует более сбалансированный подход, сочетая меры безопасности с экономическим *engagement* (стратегия взаимодействия с целью снижения угроз). Ташкент, также граничащий с Афганистаном, рассматривает диалог с талибами как инструмент предотвращения угроз. Ключевым элементом стратегии стало развитие транспортной инфраструктуры, в частности железной дороги Термез – Мазари-Шариф, которая связывает Узбекистан с афганскими и пакистанскими рынками.

Туркменистан занимает наиболее нейтральную позицию, избегая публичных оценок режима талибов. Туркменистан имеет протяженную (около 804 км) границу с Афганистаном. Ашхабад делает ставку на неформальные договоренности, обусловленные экономическими интересами. Туркменский газ, поставляемый в северные провинции Афганистана, остается важным источником доходов для талибов, что снижает риски дестабилизации. В то же время слабый контроль над границей и коррупция в пограничных службах создают потенциальные угрозы, включая нелегальную миграцию и контрабанду.

Для *Казахстана*, географически удаленного от Афганистана, угрозы носят опосредованный характер, однако их политические последствия могут оказаться значительными. В Нур-Султане основное внимание уделяется рискам радикализации через онлайн-пропаганду и репатриацию боевиков из зон конфликтов, что требует усиления контроля над цифровым пространством и ужесточения миграционной политики. Эти меры направлены не только на обеспечение внутренней безопасности, но и на поддержание стабильности в рамках евразийских интеграционных объединений, таких как ОДКБ и ШОС,

где Казахстан стремится позиционировать себя как надежного партнера в борьбе с трансграничными угрозами.

Кыргызстан, несмотря на отсутствие общей границы с Афганистаном, сталкивается с проблемой наркотрафика, который подпитывает коррупционные сети и ослабляет государственные институты. Политическое руководство республики вынуждено балансировать между необходимостью усиления пограничного контроля и сохранением отношений с региональными игроками, включая Россию и Китай, заинтересованными в стабильности Центральной Азии.

История показывает, что заверения талибов о ненападении и мирном сосуществовании ненадежны. В 1999 году, спустя два года после прихода талибов к власти, поддерживаемое ими Исламское движение Узбекистана вторглось в Кыргызстан. Итогом стали Баткенские события: гибель военных, захват заложников. Этот опыт служит предостережением для Бишкека от излишнего доверия к афганскому режиму [25].

Согласно рейтингу нестабильности государств мира (Fragile States Index), который отражает способность (и неспособность) властей контролировать целостность своей территории, а также демографическую, политическую и экономическую ситуации в стране, подготовленную американским политологическим институтом, общественная организация Американский Фонд Мира (The Fund for Peace) Афганистан при “талибах”* занимает 7 место (103,9 балла) и находится в зоне высокой тревожности (High Alert) среди 179 государств мира, первое же место занимает Сомали (111,3 балла) в зоне очень высокой тревожности.

Фундаментальные противоречия Центральной Азии и ИЭА

Идеологические противоречия. Центральная Азия формально придерживается светской модели государственности, тогда как “Талибан” в Афганистане строит свою политику на радикальной интерпретации исламского права (шариата). Это создает фундаментальный идеологический разрыв. Все страны региона активно противодействуют исламизации общества, опасаясь влияния афганской модели. Экспансионистская

Таблица 1 – Дипломатическое взаимодействие стран ЦА с ИЭА

Страна	Дипломатическое взаимодействие	Число беженцев из Афганистана	Тональность СМИ	Помощь
Казахстан	Исключение из списка запрещенных организаций	Низкий (213 чел.)	Нейтрально-критическая	Гуманитарная помощь, обучение кадров
Кыргызстан	Исключение из списка запрещенных организаций	Низкий (278 чел.)	Нейтрально-позитивная	Символическая гуманитарная поддержка
Таджикистан	Отсутствуют дипломатические отношения	Высокий (9,5 тыс. чел.)	Резко негативная	Военная помощь антиталибским силам
Туркменистан	Признает де-факто	Минимальный (9 чел.)	Нейтрально-позитивная	Инфраструктурные проекты (ТАПИ)
Узбекистан	статус-кво	Низкий (150 чел.)	Осторожно-критическая	Военно-техническая помощь, КПП

Источник: составлено автором на основе открытых источников.

природа идеологических установок “Талибана” содержит в себе явную угрозу для светских политических режимов центральноазиатского региона (таблица 1).

Поддержка радикальных группировок. Несмотря на заявления “Талибана” о борьбе с терроризмом, на территории Афганистана продолжают действовать группировки, такие как “Исламское государство* (ИГИЛ-Хорасан*)”, “Аль-Каида*”, ИДУ*, “Джамаат Ансаруллах”* и другие (таблица 2). Это свидетельствует о неспособности или нежелании талибов полностью искоренить террористические сети [26].

Ряд аналитиков и международных организаций указывают на сохраняющиеся связи между “Талибаном” и другими террористическими организациями, что ставит под сомнение реальный контроль над их деятельностью [27]. В ряде провинций вооружённые группировки действуют независимо от центрального правительства, что подтверждает тезис о неполном контроле талибов над ситуацией в стране [28].

Водные противоречия. Риск эскалации конфликтов, особенно на фоне прихода к власти в Афганистане движения “Талибан”, которое может использовать водные ресурсы как инструмент давления на страны ЦА. Основные факторы

напряженности: сокращение стока Амударьи из-за таяния ледников и засух; увеличение водопотребления в сельском хозяйстве и энергетике; использование водных ресурсов как инструмента давления на ЦА (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан); строительство Канала Куштепа (строится с 2022 г.) может сократить сток Амударьи на 15–20 %, угрожая орошению в Узбекистане и Туркменистане [29].

Угрозы инфраструктурной безопасности. Уязвимость транспортных коридоров ЦА от Афганистана. Зависимость от транзита через Афганистан: Проекты ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия) и “Узбекистан – Афганистан – Пакистан” критически важны для экономик ЦА, но подвержены рискам из-за нестабильности в Афганистане. Любой конфликт или санкции против “Талибана” могут парализовать грузопотоки. Афганистан – ключевое звено для экспорта туркменского газа (ТАПИ) и электроэнергии из Таджикистана/Узбекистана в Пакистан. Диверсии, требования “налогов” со стороны талибов или боевые действия могут сорвать поставки.

Этнополитические противоречия. Дискриминация этнических меньшинств в Афганистане [30]. Этнический состав: пуштуны (42 %)

Таблица 2 – Оппозиционные и радикальные военизированные группировки ИЭА

Название организации	Идеология	Тактика и методы действий	Связи и поддержка
ИГИЛ-К*	Радикальный салафизм	Теракты против талибов*, шиитов, иностранцев	Вербует в основном граждан ЦА
Аль-Каида*	Глобальный джихад	Скрытные ячейки, точечные атаки	Связи с “Талибаном”
Техрик-и Талибан*	Борьба против Пакистана	Локальные нападения на пакистанские силы	Поддержка “Талибана”
Исламское движение Узбекистана*	Создание халифата в ЦА	Вербовка узбеков/таджиков для атак в странах ЦА	Неизвестно
Джамаат Ансаруллах*	Свержение действующей власти в Таджикистане	Подпольная деятельность	Поддержка ИГИЛ-К
Национальный фронт сопротивления	Соппротивление “Талибану”	Партизанские действия, оборона горных районов Северного Афганистана	Ахмад Масуд
Фронт освобождения Афганистана	Борьба с “Талибаном” и ИГИЛ-К	Координация с другими антиталибскими группами	Возможные связи с КНР
Хазарейские шиитские ополчения	Защита хазарейцев	Самооборона, локальные столкновения	Поддержка Ирана

Источник: составлено автором на основе открытых источников.

исторически доминируют в политике, таджики (27–40 %), хазарейцы (9 %), а в оставшиеся 20–25 % населения входят узбеки, туркмены, аймаки, белуджи, а также несколько десятков других малых этносов и народностей. Реальная власть сосредоточена у пуштунской элиты. Проявления дискриминации: ограничения в госслужбе и гуманитарной помощи; репрессии против носителей других языков и культур, рост сопротивления в таджикских регионах. На конец 2024 г. в Таджикистане проживают 8 тыс. афганских беженцев, что обострило отношения с Кабулом [31].

Оценка эффективности существующих механизмов региональной безопасности (ОДКБ, Военная база РФ) в предотвращении конфликта

ОДКБ. Договор о коллективной безопасности (1992/2002), составляющий правовую основу ОДКБ, формально предусматривает механизмы взаимопомощи, схожие с положениями

статьи 5 Североатлантического договора. Однако сравнительный анализ выявляет существенные различия в практической реализации этих положений. В отличие от НАТО, где статья 5 применялась 1 раз (прецедент после событий 11 сентября 2001 г.), ОДКБ не имеет опыта практического применения своих коллективных оборонительных механизмов. Это объясняется несколькими институциональными особенностями: отсутствием автоматизма в принятии решений о коллективной обороне, необходимостью достижения консенсуса среди всех членов Совета коллективной безопасности, а также нечетко прописанными процедурами оперативно-го реагирования.

Военный потенциал организации сосредоточен в Коллективных силах оперативного реагирования (КСОР), которые включают мобильные подразделения общей численностью 18–20 тысяч военнослужащих, авиационные компоненты (транспортные Ил-76 и штурмовики

Су-25), а также подразделения специального назначения [32]. Регулярное проведение совместных учений, таких как “Нерушимое братство”, позволяет отрабатывать сценарии реагирования на различные угрозы, включая антитеррористические операции.

Существенной проблемой, ограничивающей эффективность ОДКБ как системы коллективной безопасности, является дифференциация подходов стран-участниц к оценке угроз. Таджикистан, граничащий с Афганистаном, рассматривает движение “Талибан” как непосредственную угрозу своей безопасности, в то время как Казахстан делает акцент на поддержании баланса в треугольнике Россия – Китай – Запад. Беларусь и Армения, географически удаленные от Центральноазиатского региона, демонстрируют пониженный уровень заинтересованности в решении его проблем безопасности.

Институциональная неполнота ОДКБ проявляется в отсутствии среди её членов ключевых региональных игроков – Узбекистана, обладающего наиболее боеспособными вооруженными силами в Центральной Азии, и Туркменистана, придерживающегося политики постоянного нейтралитета. Это создает ситуацию, когда система коллективной безопасности охватывает не весь регион, а лишь его часть, снижая общий потенциал организации.

201-я российская военная база, расположенная в Таджикистане, представляет собой важнейший элемент системы безопасности в Центральноазиатском регионе. Будучи крупнейшим зарубежным военным объектом Российской Федерации, она выполняет комплекс стратегических задач, имеющих существенное значение для поддержания стабильности в зоне, граничащей с нестабильным Афганистаном.

С точки зрения теории международных отношений, значение базы можно анализировать через призму концепции “равновесия угроз”. Ее присутствие создает систему сдерживания потенциальных угроз, исходящих с афганского направления. Зона ответственности базы охватывает практически всю центральноазиатскую границу с Афганистаном, что делает ее ключевым элементом в архитектуре региональной безопасности. Особое значение имеет

радиолокационное поле, обеспечиваемое базой, которое значительно усиливает возможности контроля воздушного пространства региона.

Согласно соглашению 2012 года, срок пребывания российского контингента продлен до 2042 года [33]. Численность военнослужащих, по официальным данным Министерства обороны РФ (2023), составляет около 7000 человек [34]. Такой масштаб присутствия свидетельствует о долгосрочных интересах России в регионе и ее готовности играть роль гаранта безопасности для центральноазиатских государств.

Анализ текущей ситуации позволяет сделать ряд важных выводов. Существующие механизмы безопасности демонстрируют достаточный потенциал для сдерживания потенциальных угроз, однако обладают ограниченными возможностями для превентивного воздействия на кризисные ситуации. Особого внимания заслуживает вопрос координации между различными элементами системы безопасности, который требует дальнейшего совершенствования.

Заключение. Приход “Талибана” к власти в Афганистане по-разному воспринимается странами Центральной Азии в зависимости от их географического положения, исторического опыта и экономических интересов. Наиболее уязвимым остается Таджикистан, вынужденный укреплять границу и сотрудничать с ОДКБ из-за прямой угрозы со стороны радикальных группировок. Узбекистан и Туркменистан, напротив, делают ставку на экономическое взаимодействие, используя инфраструктурные проекты и энергетические поставки как инструмент сдерживания угроз. Казахстан и Кыргызстан, несмотря на относительную удаленность от Афганистана, сталкиваются с опосредованными вызовами – от радикализации до наркотрафика, что требует взвешенной политики в рамках региональных объединений.

Исторический опыт свидетельствует, что декларации талибов о *мирных намерениях* не гарантируют безопасность странам Центральной Азии. Это вынуждает центральноазиатские государства сочетать меры предосторожности с прагматичным взаимодействием (engagement), чтобы минимизировать риски,

но при этом не упускать возможные экономические выгоды.

Центральным аспектом, определяющим дальнейшее развитие событий между государствами Центральной Азии и Исламским Эмиратом Афганистана и его союзниками (экстремистскими вооруженными формированиями), станет не столько военная мощь той или иной стороны, сколько способность региональных игроков к превентивной дипломатии.

В среднесрочной перспективе эскалация конфликта между талибским Афганистаном и государствами Центральной Азии представляется вероятной в силу комплекса политико-идеологических и структурных факторов. **Во-первых**, внутренняя логика развития “Исламского Эмирата” требует экспорта радикальной идеологии для легитимации власти среди собственного населения и региональных джихадистских групп. Исторически талибский режим демонстрирует неспособность к полноценной модернизации экономики, что неизбежно толкает его к поиску внешних конфликтов как инструмента консолидации. **Во-вторых**, наличие в северных провинциях Афганистана этнических анклавов (таджиков, узбеков, туркмен), рассматриваемых талибами как потенциальная *пятая колонна*, создает перманентный источник напряженности, который может быть использован для оправдания пограничных инцидентов.

Ключевым катализатором военного конфликта выступит нарастающее противоречие между неоимперскими амбициями талибского руководства и стратегическими интересами региональных держав (России, Китая), поддерживающих центральноазиатские страны. Особую опасность представляет институциональная слабость талибской власти, вынуждающая ее делегировать управление приграничными территориями полевым командирам, чьи самостоятельные операции могут спровоцировать цепную реакцию. При этом ограниченный ресурсный потенциал Афганистана делает вероятным сценарий *малой войны* – серии точечных провокаций на границах Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана с последующей гибридизацией конфликта через поддержку экстремистских движений в регионе.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда: проект № 24-28-01710 “Процессы регионального строительства и экономической интеграции в Азии в условиях конкуренции великих держав”.

Поступила: 28.04.2025;

рецензирована: 12.05.2025; принята: 14.05.2025.

Литература

1. Заявление Талибана о мирном сосуществовании с Центральной Азией // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210709/afghanistan-1740548977.html> (дата обращения: 10.04.2025).
2. Командир “Талибана” Амануддин Мансури заявил о планах по захвату Таджикистана // Asia24.media. 2023. URL: <https://asia24.media/news24/komandir-talibana-amanuddin-mansuri-zayavil-o-planakh-po-zakhvatu-tadzhikistana/> (дата обращения: 10.07.2024).
3. Малышева Д.Б. Постсоветская Центральная Азия и Афганистан как сфера пересечения интересов крупных азиатских государств / Д.Б. Малышева // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postsovetskaya-tsentralnaya-aziya-i-afganistan-kak-sfera-peresecheniya-interesov-kрупnyh-aziatskih-gosudarstv> (дата обращения: 19.04.2025).
4. Степанова Е.А. Терроризм и антитерроризм в талибском Афганистане и фактор ИГИЛ-Хорасан / Е.А. Степанова // Пути к миру и безопасности. 2024. № 2 (67). С. 11–53.
5. Казанцев А.А. Прогноз деятельности террористических организаций в странах Центральной Азии и Афганистане: возможные пути противодействия в интересах безопасности РФ / А.А. Казанцев, Л.Ю. Гусев // ПОЛИТЭК. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prognoz-deyatelnosti-terroristicheskikh-organizatsiy-v-stranah-tsentralnoy-azii-i-afganistane-vozmozhnye-puti-protivodeystviya-v> (дата обращения: 19.04.2025).

6. Князев А.А. Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст / А.А. Князев // Постсоветские исследования. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afganskaya-politika-uzbekistana-sravnitelnyy-kontekst> (дата обращения: 20.04.2025).
7. Цыряпкина Ю.Н. Реализация афганского проекта Куш-Тепе в контексте водной проблематики Центральной Азии / Ю.Н. Цыряпкина // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-afganskogo-proekta-kush-tepa-v-kontekste-vodnoy-problematiki-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 20.04.2025).
8. Мигранян А.А. Водные ресурсы Центральной Азии: специфика водообеспечения стран верховья рек и с дефицитом воды / А.А. Мигранян // Геоэкономика энергетики. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vodnye-resursy-tsentralnoy-azii-spetsifika-vodoobespecheniya-stran-verhovya-rek-i-s-defitsitom-vody> (дата обращения: 20.04.2025).
9. Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений: монография / под ред. К.П. Курылева. М.: Аспект Пресс, 2024. 312 с.
10. Клименко А.Ф. Китай, Россия и другие участники ШОС в новых афганских реалиях / А.Ф. Клименко // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. № 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitay-rossiya-i-drugie-uchastniki-shos-v-novyh-afganskikh-realiiakh> (дата обращения: 20.04.2025).
11. Селезнев И.А. ОДКБ и ШОС: институциональная роль в безопасности стран Центральной Азии / И.А. Селезнев // СОТИС – социальные технологии, исследования. 2018. № 2 (88). С. 63–70. EDN XSCFCX.
12. Корнев Е.С. Перспективы деятельности ОДКБ после завершения миротворческой операции в Казахстане / Е.С. Корнев // Современная Европа. 2023. № 1 (115). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-deyatelnosti-odkb-posle-zaversheniya-mirotvorcheskoy-operatsii-v-kazahstane> (дата обращения: 20.04.2025).
13. Бояркина О.А. Афганистан в политике Центральной Азии на реке Амударья / Оксана Александровна Бояркина // Международные отношения. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afganistan-v-politike-tsentralnoy-azii-na-reke-amudarya> (дата обращения: 20.04.2025).
14. Соловьев Д.А. Центральная Азия: геополитика воды и энергии / Д.А. Соловьев // Энергетическая политика. 2021. № 2 (156). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsentralnaya-aziya-geopolitika-vody-i-energii> (дата обращения: 20.04.2025).
15. Винокуров Е.Ю. Регулирование водноэнергетического комплекса Центральной Азии / Е.Ю. Винокуров, А. Ахунбаев, Н. Усманов, Т. Сарсембеков // Доклады и рабочие документы. 22/4. Алматы; Москва: Евразийский банк развития, 2022.
16. Helman G.B. Saving Failed States / G.B. Helman, S.R. Ratner // Foreign Policy. Winter. 1992/93. No. 89. Pp. 3–20.
17. Rotberg R.I. When States Fail: Causes and Consequences / R.I. Rotberg. Princeton: Princeton University Press, 2004. 336 p. ISBN 0-691-11671-7.
18. Российская Федерация. Министерство обороны. ВС РФ получили первую крупную партию танков Т-90М “Прорыв” в 2024 году // ТАСС. 2024. 29 марта. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/20094213> (дата обращения: 20.04.2025).
19. Худоберди Холикназар. Афганистан и его соседи: что дальше? / Худоберди Холикназар // Клуб “Валдай”. 2021. 20 августа. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/afganistan-i-ego-sosedi-cto-dalshe/> (дата обращения: 15.04.2025).
20. Global Appeal 2023 // UNHCR: 2023. URL: <https://reporting.unhcr.org/globalappeal-2023#planning> (дата обращения: 13.04.2025).
21. Территориальный контроль в Афганистане: актуальная ситуация // ECRATS: Центральноазиатский региональный информационно-аналитический центр. URL: <https://ecrats.org>

- org/ru/security_situation/analysis/10532/ (дата обращения: 21.04.2025).
22. Trading Economics. Валовой внутренний продукт (ВВП) Афганистана. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/afghanistan/gdp> (дата обращения: 21.04.2025).
23. Trading Economics. Уровень безработицы в Афганистане. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/afghanistan/unemployment-rate> (дата обращения: 21.04.2025).
24. РБК. РФ исключила “Талибан” из списка террористических организаций. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/04/2025/6800f0fb9a79477fb06fae15> (дата обращения: 25.04.2025).
25. Шестаков И. История учит: Кыргызстан не доверяет движению “Талибан” – эксперт / И. Шестаков // АКІpress. Новости Кыргызстана. URL: <https://www.akchabar.kg/article/mnenie-omthqtdxrzcoifeu/istoriya-uchit-kirgizstan-ne-doveryat-dvizheniyu-taliban-ekspert-nffxuguhdkifxvfv> (дата обращения: 27.04.2025).
26. Анализ ситуации в Афганистане и регионе // ECRATS. URL: https://ecrats.org/ru/security_situation/analysis/12540/ (дата обращения: 10.07.2024).
27. Анализ ситуации в Афганистане: угрозы безопасности и деятельность террористических группировок // ECRATS. 2025. URL: https://ecrats.org/ru/security_situation/analysis/233/ (дата обращения: 22.04.2025).
28. Террористические организации в Афганистане // Factmil.com: воен.-аналит. портал. 2022. URL: https://factmil.com/publ/strana/afganistan/terroristicheskie_organizacii_v_afganistane_2022/85-1-0-1988 (дата обращения: 22.04.2025).
29. Рысбеков А.Ю. Амударья – дело тонкое! / А.Ю. Рысбеков // Сборник научных трудов. Выпуск 19. Ташкент, 2023. С. 57.
30. Князев А.А. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлеченность стран-соседей / А.А. Князев, Г.Я. Нинэль // Постсоветские исследования. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopoliticheskaya-situatsiya-v-afganistane-vneshnee-vozdeystvie-i-vovlechennost-stran-sosedey> (дата обращения: 22.04.2025).
31. UNHCR Refugee Statistics // UNHCR: The UN Refugee Agency. URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics> (дата обращения: 10.04.2024).
32. Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ // Официальный сайт ОДКБ. URL: <https://jscsto.odkb-csto.org/voennaya-sostavlyauschaya-odkb/ksorodkb.php> (дата обращения: 10.07.2024).
33. Россия и Таджикистан продлили договор о военной базе до 2042 года // РБК. 2012. 5 октября. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/10/2012/5703fdbf9a7947fcbd441208> (дата обращения: 14.04.2024).
34. Давыдов В. Там лучше понимают, что такое Родина / Вадим Давыдов // Учительская газета. 2007. 30 января. № 4. URL: <https://ug.ru/tam-luchshe-ponimayut-cto-takoe-rodina/> (дата обращения: 20.04.2024).